

18+

Валентина Гусева

С СУДЬБОЙ НЕ ПОСПОРИШЬ

Валентина Гусева

С судьбой не поспоришь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523752

ISBN 9785005194923

Аннотация

В книгу «С судьбой не поспоришь» вошли житейские истории о непростых судьбах жителей русской деревни, попавшей в жернова истории, о событиях, которые эти люди переживают всем миром, о любви, которая хранится в памяти стариков и помогает им жить.

Содержание

Деревенский Тип-Топ	5
А мне летать охота...	12
Ах, это белое платье...	19
Белая подушка	25
В гостях у отшельника	32
Глухая ревность мучит нас	38
Дедовы награды	46
Детектор лжи	53
Жизнь в тысячу рублей	59
Заброшенный колодец	65
Заведение, приятное во всех отношениях	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

С судьбой не поспоришь

Валентина Гусева

Дизайнер обложки Любовь Холманова

© Валентина Гусева, 2020

© Любовь Холманова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-9492-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деревенский Тип-Топ

Такое прозвище к дядьке Коле прилипло чуть ли не с рождения. Первый вопрос, который он задает при встрече, всегда один и тот же:

– Как зарплата?

Человек называет, и дядька Коля тянет к нему руку:

– Ну, тогда тип-топ...

И не совсем понятно, одобряет или осуждает он такую зарплату. Вот и ко мне он, когда приезжаю в их деревню, подходит всегда с этим самым вопросом.

– Какая зарплата, – возмущаюсь я, – пенсия и есть пенсия, она у всех примерно одинаковая, чего спрашивать...

Но дядька Коля не унимается, он грозит мне своим скрюченным прокуренным пальцем:

– В газете вижу, читаю даже, старуха-то моя шибко любит, выписывает, деньги на не дело транжирит...

Я тут же прощаю ему излишнее любопытство и одобриительно улыбаюсь.

– А расскажи-ка и ты мне что-нибудь интересное, я и о тебе напишу...

– Тип-топ, – говорит дядька Коля и на минуту прикрывает глаза. Выдержав паузу, вдруг становится совсем другим человеком, серьезным, задумчивым, с каким-то необычно по-светлевающим взглядом.

– Вон дорога с пригорка побежала, видишь?

– Вижу...

– А дальше деревня... Видишь?

– Вижу... Кашино...

– Моя деревня, там я родился и прожил много-много лет... Да и любовь моя там жила... Марья... Бывало, сенокос-то ведь в деревне допоздна, спрыгну с воза потный, грязный, а мимо ее дома не пройду, стукну в окошко: «Марья, встречай!» Она выбежит, налетит, как ураган, исцелует меня всего. Прижмусь к ней всем телом и млею, млею... А она, глупая, вздыхает: «Я думала, что обманешь, не зайдешь сегодня...» Да разве мог я не зайти, если и дышал, и жил ей одной...

Дядька Коля вытирает заслезившиеся глаза, вздыхает, трет занывшую разом грудь и вдруг рассыпается мелким старческим смехом:

– Отец-то у Марьи не шибко наше обниманье приветствовал, переживал за дочку, как бы чего у нас раньше времени не вышло, высунется, бывало в окошко и кричит: «Хватит, хватит вам, птичье племя, нечего зря время тратить, давай-ко, Марья, поись сооруди...»

Так и прообнимались до самой армии, без греха обошлись, хоть, признаюсь, и не вмоготу мне было. А там проводы, Марья в слезы, а отец и тут прикрикнул на нее: «Нечего глаза зря мочить, явится через два года, твой будет, кому такое барахло надо...» Ошибся старик..., – дядька Коля по-

чесывает темя и беспокойно ерзает по ступенькам крыльца, на котором ведем мы неспешный наш разговор. – В армии-то меня живо девки прихватили...

– Дядька Коля, – фыркаю я, не в силах сдержать смех, – ты говори да не заговаривайся, в армии какие девки?

– А такие, вот какие! Загорелые, титястые и на все согласные... На картошку нас там целую осень гоняли, а там одно, другое, винишко опять же, сама понимаешь... Марье письма пишу, в любви клянусь, а ночами в самоволку, приманила там меня одна, нашлась такая, я стопарь, и она стопарь, ни в чем мне не уступает и ни в чем не отказывает. Скажи, как молодому мужику устоять? Вот так текли, текли денечки, а однажды она и преподносит мне новость, мол, я беременная, если не женишься, все до командира дойдет... И так далее и тому подобное. Вот я и попал. Предлагал ей в город съездить и решить этот вопрос любовно, а она ни в какую, со мной ехать собралась. Мальчишечку родила, хиленького, слабенького, хворал бедняга, только три годика и пожил, умер... Здесь уж умер, в деревне, я ведь кралою-то свою с дитем сюда привез...

Я замираю от такой новости.

– А Марья? Что с Марьей-то случилось? Как она это пережила?

– Да никак не пережила! Я и ей жизнь сломал. Она уехала, конечно, сразу, выучилась там, работа у нее хорошая была, замуж вышла, два сына у нее, вот уж и внуки есть, все у нее,

вроде бы, устроилось тип-топ... Я-то уж к тому времени второй раз женился, укатила моя хохлушка обратно, как только мы сыночка похоронили. Я тогда, правда, ринулся было в город Марью искать...

– Нашел?

– Нашел, чего долго-то искать... Встретились, вижу, что у нее вид печальный, и голос дрожит, и губа, только бы зареветь... «Слыхала, будто ты опять кобелируешь? – спросила меня. – Все над девками начальник?» – «Нет, – отвечаю, – Марья, ну их всех к шуту, никого мне не надо, ты моя судьба...» А она так на меня поглядела, что жутко стало. «Не тут ты, – говорит, – судьбу свою ищешь, замужем я, дети у меня. Хотя не скрою, без любви замуж пошла, тяжело к мужу привыкала, а теперь вот дети у нас, Господь сразу двойней наградил, чтобы крепче меня к мужу привязать, чтобы лишний раз не приходили в голову глупые мысли...»

Дядька Коля достал пачку с дешевыми сигаретами, нервно закурил. Сплевывая попавшие в рот крошки, махнул рукой:

– Да и зачем я ей тогда был? Выпивал ведь, чего греха таить... Думал, простит она меня, сойдемся, я пить брошу и все у нас будет тип-топ... А она не простила... Да и силы воли у меня не было... Это уж вот теперь, когда встал вопрос о жизни и смерти, я за жизнь ухватился, четверть века, можно сказать, в рот не беру...

– Тебе бы и курить бросить надо...

– И без тебя знаю, что надо... Так я и брошу, готовлюсь...

В окно высовывается строгая, седоволосая старуха:

– Старый ты нахал, забирайся живо домой, только языком чесать и горазд...

– Иду, Марья, иду... Не переживай, у меня все тип-топ...

И, обращаясь ко мне:

– Пойдем... Посидим, выпьем... Под хорошую закуску стопарь-другой мне и сейчас не повредит...

Но, заметив мой растерянный взгляд, широко улыбается своим беззубым ртом:

– Марья-то? Так это она и есть... У нее уж внуки были, когда мы сошлись. Я по городам помотался, время было тяжелое, работы нет, решил, что в деревне как-нибудь проживу, не так еще, было время, жили. Вот и приехал... Да пойдем-пойдем в дом-то... «Марья, давай салыца порежь, да бутылочку скорее доставай, чтобы все было тип-топ, гостья у нас...»

Конечно, я не могла удержаться, чтобы не дослушать до конца дядьки Колину историю, а еще больше хотелось увидеть отношения этих двух пожилых людей, которые в юности чуть не похоронили свою любовь.

Дядька Коля, налив полные стопки, вдруг говорит мне:

– Держись за то, на чем сидишь...

И достает альбом с фотографиями.

– Внуков-то у меня, внуков-то, во, Валерка, и Алена, и Димка... Да они меня сильнее, чем Марью любят... Большие уж, все хорошо у них, Димка вот только жену оставил...

А Алленка скоро правнучкой порадует, опять буду сказки говорить...

– Конечно, ты языком-то чесать горазд, тебе ведь не у плиты стоять, не бельишко ихнее стирать, тебе только сказки придумывать, а деткам чего надо... Вот бы кому книжки-то писать...

Марья достает из шкафа толстую пачку писем, перетянутую льняной веревочкой.

– Два года мне мозги пудрил, а сам...

– Марья, Марья, только не надо перекосов, а то давление опять подскочит... Ты лучше расскажи, как встретились мы с тобой...

– Так в больнице встретились, судьба видно. Допился он до ручки, мне потом бабы рассказывали, что полгода его трезвым не видывали, поставит браги флягу и пьет... Вот в больницу и угодил. Язва... Крови много потерял, с того света, считай, вытащили. А я приехала подругу навестить. Она мне и говорит: «Загляни вон в ту палату, там мужик из нашей деревни лежит, тяжелый, умрет, наверное...» Вот я и заглянула себе на беду...

– Какая беда-то, Марья, какая беда? Четверть века уж живем, и все у нас тип-топ... Старая любовь не ржавеет... Жалко, что прихварывать ты начала, да и я не орел...

Марья пересела на диван и, подложив маленькую подушечку, прилегла:

– Устала я, прилягу, вы уж тут без меня пейте, ешьте...

Я пересела поближе к ней и задала главный вопрос, который так мучил меня в последнее время:

– Тетка Марья, неужели это можно простить?

– А чего ж не простить... Если любишь... Особенно, если такой...

И я увидела на ее губах загадочную улыбку.

А мне летать охота...

За окном ранние сумерки, в семье Даньки полнейшая идиллия – мама вяжет носки, сам Данька торчит в телефоне, папа укладывает в рюкзак необходимые инструменты, ему завтра ехать в командировку, в райцентр, откуда он родом.

Бабушка Маня дает отцу наставления:

– Ты, Гоша, к тетке-то Тамаре обязательно зайди, я ей брякну, что ты в родных краях будешь...

– Да я не представляю, где она и живет-то, недавно же переехала...

– Здравствуй, милый... На аэродроме живет, смотри новые-то дома, у нее пятый...

Данька, вроде бы совсем не вникающий в то, что происходит в комнате, срывается с места:

– Ба, ты о чем? Какие дома на аэродроме? Там должен быть вокзал, взлетная полоса, а ты о чем? Дома какие-то...

– А о том я, о том, ты не встревай, чего не знаешь!

– Как это я не знаю? Какой там аэродром, сроду не было!

– С твоего роду, конечно, уже не было, а с моего – был всегда. Мы на самолетах в областной центр за сорок минут добирались, не то, что теперь...

– Ба, с этого места давай поподробнее... Что за аэродром там был?

– Да обычная тесовая избушка на краю поля, самолеты,

их еще кукурузниками звали, да посмотри, если интересно, в кино наш аэродром снят, в «Афоне»...

Данька отцепился на время, а, заметив, что бабушка улеглась, подсел к ней:

– Ба, а ты летала на этом «кукурузнике»? Расскажи...

– Так чего рассказывать-то? Обычное дело, садились, как в автобус, в салоне две деревянные лавочки вдоль бортов, под ними всякий груз напехан, тут же и пилот, никакой кабины, все рядом. Летим и летим, невысоко, внизу все видно, комбайны, трактора, бабы картошку копают...

– И ты не боялась?

– А чего бояться-то, встречных машин нет... Потряхивало только, когда в ямы-то проваливались...

– Ба, ты ври да не завирайся, какие ямы? Вы же в воздухе...

– Так и ямы воздушные, другой раз так улетали, сердце замирало, летчик-то, Паша, бывало оглянется, хохотнет, что тряханул нас. Девчонок так тошнило вначале, с бумажным пакетиком около рта летали, а потом привыкли... Бывало, долетим до определенного пункта, самолет сядет, нам скамандуют: «Погуляйте полчасака...» Вылезаем, гуляем по улице, потом опять валенки от снега околотим и на прежние места. Опять летим...

– Вы и на автобусах не ездили?

– Ездили, только на самолете лучше было, на автобусе по бездорожью не езда, а мука была... А лучше всего было

летать с Алексеем Михайловичем, директором нашим, один из летчиков, не Паша, другой, был его учеником. Так вот Алексей Михайлович, бывало, его попросит:

– Уважь старика, высади на поле за школой, зачем я до города полечу, а потом ночью оттуда добираться буду...

Пожалеет его летчик-то, и правда сядет за школой, мы высыплем, как горох, радехоньки, а самолет тут же разбежится, взмоет и летит дальше...

– Ба, как все здорово, как кино!

– Так кино тогда тоже в деревнях от самолета зависело. Как-то сидим мы, ждем своего рейса, подъехала почтовая машина, выгрузил работник почты страховый мешок, в котором письма, газеты, наверное, и деньги, а также банки с кинолентами, в дальнюю деревню так кинофильмы отправляли. Оставил он мешок, а сам ушел на край поля с мужиками лясы точить, время до этого рейса еще было. А тут другой самолет начал разворачиваться и чем-то задел этот мешок, он и прицепился. Самолет взлетел, и мешок вместе с ним. Почтовик-то побежал, руками машет, мол, вернись, вернись, чужое взял, а самолет не вернулся. Смотрим, он уж над лесом летит, а мешок-то так и дрягается...

– Ой, бабушка, это же ЧП!

– Еще бы! Мне недавно про этот случай подружка моя рассказала, Ирина, она как раз тогда на почте работала. Пятьдесят лет хранила эту тайну, боялась рассказывать...

– А тогда могли и в тюрьму посадить?

– Конечно, могли, времена-то знаешь какие суровые были...

– И что? Нашел кто-нибудь этот мешок?

– Так почтовики и нашли. Собрал их всех, вплоть до уборщиц, начальник и велел идти мешок искать. А зима, дни-то короткие, снег да мороз... Двинулись к деревне, около нее тот лес-то, над которым последний раз самолет видели. В деревне баба попалась, пуганая какая-то, будто не в своем уме, спросили у нее:

– Ничего интересного у вас в деревне не случилось?

– Да нет, ничего, все тихо, только вот я чудо-чудное видала...

– Что за чудо, говори!

– А вы кто?

– Кто надо, те и есть...

Она смотрит на начальника, ничего понять не может, а он же в форме. Вот она и заговорила:

– Полощу я, значит, белье в проруби, руки околели, а слышу, над головой гудит, гудит... Разогнулась, чтобы на руки подуть, и вижу: летит самолет, а к хвосту у него чего-то привязано, вроде как парашют, но без человека. А вон там, над леском, оторвался этот парашют и полетел. Я испугалась и белье не дополоסקала, собрала свои манатки да домой, заперлась на крючок, сижу, дрожу, еле отошла. А сейчас вот пошла к бригадиру, надо доложить...

– Не надо ничего докладывать и говорить никому ничего

не надо. – строго сказал начальник. – Это государственная тайна... Учти, если развяжешь свой язык, сама знаешь, что за это бывает... Поняла?

Испугалась баба пуще прежнего, закивала и побежала обратно к дому, наверное, целую неделю с запертой калиткой просидела...

Данька притих, да и бабушка Маня примолкла, решила, что задремал внук. Только не тут-то было, Данька слушал бабушкин рассказ, будто какой-то новый детектив смотрел.

– Ба, так и не нашли мешок-то? Может, он и сейчас там лежит...

– Да нашли, Даня, нашли, хоть и долго искали, до самого вечера, устали все, измучились, а домой хоть и ночью не возвращайся...

Обтоптали они место под елкой, стали ветки ломать, чтобы сесть да отдохнуть, качнули елку-то, а мешок и свалился им на голову, чуть не прибил того почтаря, который мешок-то прохлопал... Ох и досталось ему, и не только от начальника, от всех!

Бабушке Мане непонятно было, обрадовался Данька такому финалу или наоборот расстроился. Подошел отец пожелать матери спокойной ночи, увидел Даньку, прикорнувшего у ее изголовья, изумился:

– Э, полуночники, это что у вас за секреты?

– Пап, а ты на кукурузнике летал?

– Не, не летал, но про него почти анекдот читал, как сей-

час помню. Рассказать?

– Да, конечно! – воскликнул Данька.

– Хорошо, только потом сразу спать, договорились?

– Заметано!

– Так вот, слушай. В тот год у нас в районе только-только птичник построили. А яйца как возить? Дороги же асфальтовой не было, каменка, привезешь от этих яиц одни скорлупки. И не придумали ничего лучшего, как отправлять это первое, пока еще небольшое количество яиц на самолете. Событие было для нашего района, можно сказать, историческое, поэтому на следующий день районная газета вышла с жирным, через всю страницу, заголовком – «Самолет с яйцами»! Смеялись все, потому случай этот и остался у многих в памяти...

А теперь спать, спать, Данька! Он подхватил полусонного мальчонку и отнес его в свою комнату.

Ночью Даньке снился почти деревенский аэродром, самолеты-кукурузники взлетали с него стаями, махали Даньке крылом и навсегда исчезали в голубой дали. А вместо них на бывшем аэродроме, как грибы, начали вырастать большие дома с разноцветными крышами. Это было красиво, но картинка почему-то ничуть не радовала мальчика. Утром, едва проснувшись, Данька побежал к бабушке:

– Бабушка, а эти самолеты-кукурузники больше никогда не вернуться?

– Не знаю, Даня, всякое может быть...

– А куда же они прилетят, ведь на аэродроме построены дома?

– Вот ты вырастешь и построишь новый аэродром, он будет даже лучше старого...

Счастливый Данька глянул на бабушку, не шутит ли она, и, поняв, что бабушка говорит серьезно, выдохнул:

– Я построю! Обязательно...

Ах, это белое платье...

С Ульяной мы подружились совершенно неожиданно, она переехала к нам из далекого саратовского села, в соцсетях с моим соседом Володькой познакомилась, что-то нашла в нем и приехала.

У нас не юг, зима рано накрывает, но ее, знать, вот эта придуманная любовь грела. На календаре конец декабря, а она, гляжу, то и дело простоволосая бегают, то до бани, то до дровяного сарая. Володька, он вдовец, лет уж шесть, как жену свою, Настену, похоронил, никак не женился, сорок с лишним ему, а все один да один, ни жены, ни детей, думали, что так бобылем доживать и будет. А тут поди-ка, какая краля к нему пожаловала, зашушукались бабы, зазмеилась по улице молва, мол, эта чего доброго еще и родит ему, вон какая у них любовь-то, по улице он ее за ручку водит, виданое ли дело, не мальчик же. И она сияет, знать, нравится ей быть на виду у деревни, никаких разговоров не боится, да и какие разговоры-то, мы не знаем ее, она не знает нас. Но грех скрывать, хотелось нам с бабами узнать, ждем только удобного случая, чтобы завести душевный разговор да все и выведать. И вот как раз перед Новым годом забегают она ко мне в избу и просит соли. Я так руками и всплеснула, это кто же праздник без соли встречает. Насыпала ей в стакан, а сама к столу приглашаю, мол, давай, соседка, поближе позна-

комимся. А она и не отнекивается, видно, и ей это знакомство по сердцу. Бабенка красивая, ничего не скажу, повезло Володьке, только меня другое удручало и уж очень хотелось узнать, что ее в наши снежные края пригнало, почему ей в тепле-то не жилось, ведь там же рай был, а не место, зимы почти никогда не было, не то, что у нас, восемь месяцев зима, а остальное – лето. Но как вырулить на этот разговор, ума не приложу. Уж сама ей все-все про себя расписала, и о том, как от судьбы бегала, и как судьба меня обратно привела да вот на это место и определила, мол, мало ли чего, в город хочется, живи в деревне и не разговаривай, вот и живу сорок лет, вросла в эту землю, хоть краном тащи, не вытащишь. Потом я стала ей показывать подарки, которые приготовила к празднику детям, сношкам, внучатам, ну, и мужу. А купила я мужу кошелек. Ему до меня дети купили, но ему тот не понравился, говорит, мол, больно велик, у меня и денег-то столько не бывает. Капризный мой Игнатьич. Поехала я в город, да и купила этот, поменьше, знаю, что моим подарком доволен будет. Вот, можно сказать, с этого кошелька и завязался у нас с Ульяной душевный разговор, а потом уж и дружба. Она мне вдруг и говорит:

– А вы старый-то кошелек мужа куда денете?

– Так выбросим в мусорку, хватит уж, послужил, чуть не до дыр истерся, дед-то у меня добытчик, мне денежку давал и себя не обижал, в кошельке у него всегда копеечка водилась...

– Вот и берегите старый кошелек, не выбрасывайте, а то вместе с ним можно весь достаток семьи выбросить. Последнюю купюру из него возьмите и в новый кошелек переложите, а старому найдите в доме местечко, пусть лежит, есть не просит...

Я посмотрела на Ульяну с нескрываемым интересом, что в этой бабенке было, какой-то свет неземной, подумалось, грешным делом, уж не приворожила ли она нашего Володьку. А тут и он, ступил через порог, зовет ее, а она ему:

– Да вот я пришла соседей наших дорогих пригласить, приходите к нам Новый год встречать...

– Что ты, что ты, – заотнекивалась я, – не под годы уж нам по гостям-то ходить, вы позовите кого-нибудь помоложе, вам повеселее будет, а чего со стариками сидеть, мне уж и выпить нельзя...

– Да разве в выпивке дело? Мы и так споем, что вся улица дрогнет... Столько дней тут у вас живу, а никого не знаю, сижу дома одна да только свист метели и слушаю. А с вами вот познакомилась, теперь встречаться будем, говорить о своем, о женском...

За ней следом и Володька начал уговаривать, пришлось согласиться. Да я еще вовремя вспомнила, что на Рождество ко мне дети мои приедут, так позову соседей, да и отугощаю, в долгу не останусь. Боялась, что Игнатьич мой не согласится, тоже выпивка-то стала проблемой в последние годы, начнет канючить, как обычно: «Зачем да куда?», а он ни-

чего, оживился даже, заулыбался как-то загадочно. «Ах, ты, кобель старый! – хлопнула я ему по загривку. – Гляди-ка, не иначе, и у тебя разыгралась молодость...»

В этот день пуржило с самого утра, кажется, заненастило надолго, сыпало откуда-то с небес и крутило уже у земли.

– Вот тебе и праздник! – вздохнул Игнатъич, – с гармонью к елке никак не пойдешь, испортишь снегом весь инструмент, да и сам задрогнешь...

– А ты что, не к елке ли еще собрался? Года уж три не ходил, там другие гармонисты выросли, вон, хоть тот же Володька и поиграет, твой ученик...

– Да я чего? Я ничего...

– Вот и не чевокай, а то рассержусь, так на печке будешь праздновать...

Вот так с шутками да перебранками мы и собрались, прикатили к соседям все в снегу, еле нас Володька веником отмел. Уселись за стол. Надо сказать, что Ульяна богатый стол накрыла, Настена-то, не тем будь помянута, не хозяйственная была, болела смолоду. А тут было видно, что Володьке это все нравится, он счастья своего скрыть не может. Попили, поели, Президента послушали, даже парочку песен спели, да и домой засобирались, решили: чего молодым мешать. А тут Володька вызвал моего деда на крылечко, покурить. Накинули они куртки и вышли. Вот в этот момент я и решила у Ульяны спросить, чего ее в наши-то края привело.

Она не сразу ответила, погрустнела, задумалась на миг,

а потом глянула на меня и начала:

– Не судите меня строго. Я от мужа сбежала...

Я не сдержалась, так и охнула:

– Да ты что?

– Не удивляйтесь, сбежала-сбежала, да специально по-
дальше, чтобы он ни за что меня не нашел. А найдет –
убьет...

– А Володька-то все знает?

– Почти все, только не знает, с чего наша с мужем вражда
началась... Я ведь замуж по большой любви вышла, а у мужа
ко мне была только страсть... Я иногда кричала от боли, как
он мучил меня в постели, никому не приведи, Господь... Он
был старше меня на девять лет, уже угасать начал, вот и ста-
рался... А спасло меня знаете что? Ни в жизнь не догадае-
тесь... Свадебное платье...

– А оно-то при чем?

– А при том, при чем и ваш старый кошелек. Пришла ко
мне как-то соседская девчушка, печальная, ее Снежную Ко-
ролеву назначили играть в школьном спектакле, а платья нет.
Вот тогда я и вынесла ей мое свадебное, решила: зачем оно
мне теперь, только место в шкафу занимает. Свекруха увиде-
ла, закричала: «Что ты творишь, отдаешь свое семейное сча-
стье чужому человеку...» А я и рада, насытилась я уже этим
счастьем до слез. Не послушала ее, что-то отрезала, что-то
ушила, сделала девчушке костюм...

– И что?

– А то! Начал мой благоверный вдруг ухаживать за молоденькими девочками, придет с работы злющий, в мою строну даже не глядит... А я и рада... Только кончилось все не очень хорошо, привязался он к девятикласснице, прохода девочке не давал со своими похотливыми предложениями. Беда могла случиться, хорошо, что однажды мальчишки сговорились и накостыляли ему, а потом все и всплыло, девочки одна, друга, третья стали рассказывать о нем. Судили его и посадили, срок не очень большой дали, но я за это время успела с Володей познакомиться и улизнуть. Думаю, не найдет он меня теперь, а может, и искать не будет... Так что не отмахивайтесь от примет, они веками проверены, всякое бывает...

Я никому не стала рассказывать об Ульяниных злоключениях, да и уехали они вскоре, думаю, что она Володьку опять в теплые края переманила. Так что продали дом и уехали, Ульяна уж ребеночка под сердцем носила.

Белая подушка

Димка опять болел, метался во сне, бредил какой-то белой подушкой. Аня никак не могла понять, что за подушка, откуда она взялась и зачем поселилась в детском сознании. У самой Ани никогда таких подушек не было, разве что у бабушки в деревне, где они отдыхали прошедшее лето...

Это лето было таким счастливым, дни летели, как ангельские птицы. Устроившись на ночлег у бабушки в чулане, Аня, засыпая, всегда слышала шуршание их крыльев. Ее душа смеялась и пела от того, что она пусть и ненадолго, но вернулась на простор родных лугов, привыкнуть к городской жизни она так и не смогла. Родители увезли ее в город, сразу после окончания школы. Ей пришлось поступать в институт, а у отца закрылась последняя ферма, где еще можно было заработать копейку, мужики, те, что помоложе, уезжали работать на север, вахтами, а он не хотел, он слишком любил свою жену и дочку. Съездил в город, снял квартиру и летом перевез туда семью. В деревне остался Максимка, Анина первая школьная любовь, которая не успела окрепнуть и со временем растаяла, как легкая дымка. Максимка, мальчик с серыми задумчивыми глазами и очень трудной судьбой, к своим семнадцати уже досыта нахлебался и горя, и счастья. Родился он в далекой Прибалтике, там жил его отец, который женился на эстонке, но жизнь у них не зала-

дилась. Они были слишком разные люди, мать – хлопотунья и домоседка, а отец любил выпить и погулять. Матери не стало, когда Максимке едва исполнилось десять месяцев, он об этом узнал уже из рассказов бабушки. Очевидно, мать, вымотанная бессонными ночами с вечно плачущим ребенком, долго уговаривала отца не уходить из дома, а он, силой забрав последние деньги, грубо оттолкнул ее и шагнул за порог. И тогда она сняла с халата пояс и сделала из него петлю, которую привязала к детской кроватке. Почти сутки мальчик ползал около мертвой матери. После похорон в Таллин приехала бабушка, она забрала Максимку у отца и привезла его в деревню. Бабушка вырастила внука в такой любви и заботе, дала ему столько внимания, сколько он и от родной матери вряд ли бы получил.

В тот год, когда уехала Аня, Максимка учиться никуда не поступил, потому что у него заболела бабушка, оставить ее одну он никак не мог, на три года ему дали отсрочку от армии, а потом все равно забрали.

Вернулся он, когда бабушки уже не было, а дома командовал отец и его молодая жена, которая была для отца не столько женой, сколько игрушкой. Она с первого дня положила свой похотливый взгляд на красавца-пасынка. Между ними было девять лет разницы, но, похоже, ее это ни капельки не смущало, ведь перед ней был мужчина, путь и тоненький, хрупкий, как мальчишка. Частенько они с отцом устраивали пьяные оргии, отец приказывал ей раздеваться и танцевать

перед ним дикие танцы, таким образом возбуждая его стареющую плоть. Иногда Максимка замечал, что эти танцы все больше предназначаются ему, а не отцу. В такие минуты он не выдерживал, выскакивал из-за ситцевой занавески, перегораживающей единственную в доме комнату, хватал с печки бабушкину фуфайку и бежал в баню, где проводил все больше и больше времени, обдумывая, куда бы ему уехать и где начать новую жизнь.

В это скорбное для себя время он и встретился с Аней. Он гулял с собакой Люткой в ближайшем перелеске, где Аня с Димкой собирали грибы. Встреча ошеломила обоих, почти забытая первая любовь начала прорастать с новой силой. Теперь каждый вечер, уложив Димку под бочок к бабушке, Аня через дверь в сеновале выскальзывала в огород и мчалась на свидание к Максиму. Он только один раз и спросил:

– Ты любишь своего мужа?

– Нет никакого мужа, – ответила Аня.

– А Димка?

– Димка? Он просто мой сын, только мой и ничей больше...

– А можно он будет и мой тоже?

– Максимка, ты очень торопишься, давай подождем до осени, а там видно будет...

– До осени так до осени, как скажешь... Просто у меня нет больше сил жить в этом гадюшнике... Я и сплю уже в бане, хорошо, что сейчас лето...

Беда летом и случилась. Максим заболел, в больницу ехать никак не хотел, и Аня, уже не таясь от деревенских, стала ходить к нему в баню, носила ему таблетки и питье. Не раз она встречала на пороге бани мачеху и не могла понять, почему в ее глазах столько ненависти. В ту, последнюю ночь, Аня отпросилась у бабушки и осталась у Максима до утра. Вернувшись утром домой, она не обнаружила на привычном месте Димки.

– Бабуля, где он?

– Гулять убежал, хватился, что тебя нет и побежал, сказал, что знает, где ты...

Аня попила чаю с теплой ватрушкой, сделала свежий клюквенный морс и пошла снова к Максиму, собираясь по пути зайти к соседям, куда любил ходить Димка. Но зайти она не успела, Димка бежал к ней навстречу с совершенно ошалелыми глазами. Она пыталась остановить его, спросить в чем дело, но он схватил ее за руку и потащил домой. Аня вернулась, а еще через пару часов по деревне пронеслась весть, что Максим умер, нашли мертвым в бане...

Аня не увидела его мертвым, потому что в этот же день она увезла в город Димку, он неожиданно и непонятно чем заболел, у него поднялась температура, он бредил и в бреду все твердил про какую-то белую подушку. На другой день бабушка позвонила Ане и сказала, что у Максима признали быстротекущую пневмонию, хотя в деревне болтают всякое...

Вот это-то «всякое» и не давало Ане покоя, поэтому, когда прошел сороковой день, она собралась и поехала к следователю, который тогда выезжал в деревню и пытался что-то выяснить. Но поскольку от родственников никакого заявления не поступило, а вечно пьяный паталогоанатом усмотрел в смерти парня болезнь, он не стал возбуждать дела. И вот теперь Аня захотела увидеться именно с ним. Следователь, молодой и еще не успевший устать от повседневного вала дел, выслушал ее, удивился, что не видел ее лица там, в деревне, все жители сбежались, когда забирали тело. Аня объяснила свое отсутствие внезапной болезнью сына и тем, что он и до сих пор все бредит какой-то белой подушкой и что Аня почти уверена – болезнь сына каким-то образом связана с событиями прошедшего лета.

– Странно, – сказал следователь, – у меня тоже осталась какая-то недосказанность. У парня под головой была свернутая фуфайка, а рядом валялось рябое перышко. Я подумал еще тогда: откуда оно взялось? Баня же... Я приеду к вам, не возражаете? Надо с мальчиком поговорить...

Следователь приехал через два дня. Димка долго не хотел с ним разговаривать, плакал и закрывал Аню своей спиной.

– Ты за маму боишься? Да?

– Димка несмело кивнул...

– Не бойся, я сумею защитить твою маму... Расскажи, что ты видел...

Вот тогда-то и выяснилась вся правда. Димка знал, где ис-

кать маму, он прибежал к дому Максима, но войти не решился, а спрятался в полуразрушенном сарае напротив, чтобы подождать, когда мама выйдет. Но мамы все не было и не было, потом он увидел, что в баню идет тетя Таня и несет за чем-то белую подушку. Он подождал еще немного и побежал следом. Тихонько приоткрыл дверь и увидел, как тетя Таня закрыла подушкой лицо Максима и легла на него. Димка решил, что тетя Таня так играет, он еще постоял, наблюдая за ней, но она не играла, она вдруг схватила подушку, выскочила в предбанник и нос к носу столкнулась с Димкой. Тетя Таня больно ухватила его за ухо, подняла на уровень своих глаз и прошипела:

– Если вякнешь кому, твоя мать рядом ляжет...

Она толкнула Димку в спину так, что он вылетел из предбанника и сунулся носом в заросли крапивы. Вот с тех пор в его сны и приходит белая подушка, которой тетя Таня душил его маму.

Татьяну арестовали в этот же день, она не запиралась, а во всем призналась почти сразу.

– Я ведь знала, что мальчонка все равно рано или поздно все расскажет, да и Максим не дает покоя, приходит ко мне каждую ночь. Приходит и манит за собой. И я иду... Однажды муж поймал меня уже на берегу реки, шла-шла, сама не зная куда, просто слушала голос Максима и шла. Полюбила ведь я его, но понимала, что он-то меня никогда не полюбит. А когда увидела, что Анька поутру от него вышла, я

просто обезумела, вот и решилась... Устала я, и с кобелем этим старым жить устала... Давно поняла, что в тюрьме мне будет легче.

В гостях у отшельника

Совершенно неожиданно мне довелось познакомиться с самым настоящим отшельником, который больше двадцати лет живет в каких-то семи километрах от меня, а я его ни разу не видела. Слухи какие-то доходили, но я не обращала на них внимания, мало ли кто доживает свой век в исчезающих с лица земли русских деревнях, в домах, утративших хозяев, покинутых вместе со всем, нажитым годами упорного труда скарбом.

А тут услышала в случайном разговоре, что вот, мол, мужик опять один зимовать остался, в помощь соцработника берет, который работает вообще-то почтальоном, но по пути возит ему продукты и помогает кое-что по хозяйству. Забирали его в дом престарелых, целая комиссия приезжала вместе с участковым, увезли, но он прожил там одну только зиму, а по весне опять вернулся в свое Староселье да и не поехал больше. А в эту зиму случилась беда, подхватил его соцработник, Денис, коронавирус, в больницу в город увезли. Другого мужика, который согласился бы преодолевать семикилометровый путь по занесенным снегом полям, не нашли. Кого просить о помощи? Вот и взялась Женя, не старая еще, вполне крепкая бабенка. И все у нее стало получаться, ей даже понравилось, шутили мужики около магазина:

– Ты, Женюха, хоть не согреси там с ним, он еще дед яд-

ренный, да на природе, сил-то накопил...

– Молчите лучше, балаболы окаянные, человек в беде, а вам бы только лясы точить. Я пока туда на лыжах ползу, как мышь взмокну, да рюкзак на плечах. А он меня ждет, хоть бы я каждый день ходила, так он рад бы был, ведь одному-то и говорить можно разучиться. Чайку нагреет, хлеб у него мягкий, сам печет, пряники да сушки, сидим, чаевничаем, не замечаю я, как и время пролетает... Я теперь его не оставляю, буду ходить, сколько сил хватит...

– Так, конечно, Деня-то, возможно, и не выпутается, говорят, семьдесят процентов легких поражено...

– Что мелете, что языками напрасно чешете, пустобрехи несчастные..., – сердилась Женя.

– А твой-то не подхватил от Дени, а то и тебя заразит..., – не унимались бабы, да и мужики подзуживали.

– Избави Бог! Меня не возьмет, я закаленная, я чеснок каждый день ем, сказывали, что он ой-е-ей как иммунитет укрепляет! Да ведь я с ним и не целуюсь, как мне заразиться-то? Сижу да его истории слушаю. Вот вчера про такую страсть рассказал, что я и домой одна ехать боялась...

Вот эта последняя фраза Жени и зацепила меня. Я ж до этих историй сама не своя. Дождалась, когда она отоварится и выйдет из магазина и подошла к ней:

– Женя, поделись со мной историей, которую твой отшельник рассказал. Поделись, мне очень надо...

– Да я уж и забыла все подробности... А поедем завтра

со мной, он не то еще расскажет, его слушать, не переслушать...

– Тяжеловато... Я сто лет на лыжах не ходила...

– Вот в сто первый и пойдем, мы потихонечку, лыжня у меня накатана...

И я согласилась, ради интересной истории чего не сделаешь.

С утра испекла булки с маком, не пойдешь же в гости с пустыми руками, прихватила баночку малинового варенья, и часов в десять мы двинулись в путь. Летели с горок, вползали по отлогому краю оврага, падали, поднимались, смеясь и радуясь искристому снегу, свежему морозному воздуху, той легкости, которая вдруг появилась во всем теле. В молодости я ведь любила лыжи, да у меня и получалось, но, чтобы встать на лыжи сейчас... Это было на грани безумия. Но дошли, все благополучно. Отшельник удивился, что мы вдвоем, сразу набросился на меня с гневными расспросами:

– Вы из соцзащиты? Избави Бог уговаривать меня уехать отсюда. Не поеду никуда, не уговаривайте, даже не пытайтесь...

Женя резко охладила его пыл:

– Угомонись! Она со мной за компанию приехала, ей историй твоих послушать хочется. Расскажешь?

– Да какие такие истории? Я уж тебе все рассказал...

– Ну вот ту расскажи еще раз, про голую девку расскажи...

– Далась тебе эта девка, может мне привиделось, я же

не могу точно утверждать...

Он поставил на стол заранее согретый самовар, который уютно замурлыкал на столе, разложил свою нехитрую снедь, скоро потекла неспешная беседа, коснулись исчезающих деревьев, того, что лес поглощает все следы прошлой жизни. Я вспомнила рассказ моей приятельницы о том, как она осенью ходила за грибами, лес был знакомый, около деревни, в которой уже не было ни одного жителя, хоть и стояли дома, как терема, она в этой деревне выросла. И вот что-то закружилась и на очень грибное место пришла, моментом корзинку нарезала, но подняла голову и поняла, что потеряла направление, плутала, плутала, устала совсем, увидела камень, кинула на него куртку и присела. Осмотрелась, а вокруг упавшие деревья, мелколесье и полусгнившие наклонившиеся к самой земле, деревянные кресты. Как огнем обожгло, вскочила, грибы вытряхнула и стала соображать. Вспомнила, что лет пятьдесят назад бабушка водила ее на это кладбище, хоть деревенских и хоронили уже на другом. Осмотрелась и пошла на дорогу, вышла, пусть и без грибов.

Отшельник слушал меня, наклонив свою седую голову, и столько печали было во всей его сгорбленной фигуре, что я даже поежилась.

– Отчего, думаешь, я от людей ушел? – начал он тихим голосом. – Я в своей жизни шок пережил, такой шок, что до сих пор боюсь в людской толпе эту девушку встретить, ме-

решится она мне, снится, никак не отпускает... Это в девяностые годы случилось, да-да, как раз в самом начале. Предприятие наше закрылось, жена еще не работала после родов, да и первый мальчонка был невелик. Мне же их кормить надо, за квартиру платить надо... И устроились мы с приятелем на старое городское кладбище могилы копать. Парни никто на старом работать не соглашались, жутковато все-таки, а мы согласились, потому что там был двойной тариф, кто-то тогда на этом хорошие деньги делал, нам-то так крохи перепадали. Но деньги тогда решали все. И вот как-то дали нам задание копать могилу под старым раскидистым деревом, родственники усопшей сверх тарифа еще деньжонок накинули, водочки нам принесли, закуски, чтобы мы работали и на обед не отрывались, надо было подготовить могилу к утру следующего дня. Мы насобирали деревянных крестов, разожгли костер, чтобы землю немного оттаять, промерзло тогда все сильно. Потом начали ломami ковырять, корни дерева сильно мешали, их рубили топором, камни потом пошли, крупные, прямо булыжник. Матерились, как только умели, кляли и покойницу, и родственников, которые в таком неудобном месте хоронить надумали. Дело уж к вечеру подходило, а мы еще только-только две трети выкопали. А сумерки зимой ранние. И вот приятель мне говорит:

– Отдохни, а я за пивком сбегая, что-то совсем силы кончаются...

И побежал, я и сказать ему ничего не успел. Ну, сел я

в уголок, закурил, и вдруг слышу шаги. Кто-то подошел к могиле. И вижу я, как на край могилы села юная девушка. Голая... Вижу я ее в каком-то непонятном ореоле света. Ноги в могилу свесила, волосы золотистые до колен, она ими свои девичьи прелести прикрыла. И говорит она мне: «Дяденька, зачем же ты мой дом разорил? Где я теперь век свой коротать буду?» А у меня язык к небу прилип, ничего и ответить ей не могу. А тут луч света метнулся, это друг мой вернулся, фонариком посветил. Девушка вскочила и исчезла, а он от меня и слова добиться не мог. Вытащил еле-еле, увидел, что я весь седой. Вызвал «Скорую помощь», увезли меня сначала в приличную больницу, потом в дурку, решили, что я умом повредился. Жена на развод подала, не захотела с дураком жить, да и невозможно это было, я в каждой светловолосой девушке все свою покойницу искал. Зачем? Не знаю. А потом вот инвалидность получил и уехал сюда. Здесь мне спокойно...

Возвращались мы с Женей без шуток и без смеха, погруженные в свои размышления о превратностях судьбы, о том, сколь тонка стенка между тем и этим миром, сколь хрупка человеческая психика. Ведь вот, вроде, здоровый наш Отшельник, но его вера в то, что девушка в самом деле была, не привиделась и не приснилась, наводит на грустные мысли.

Глухая ревность мучит нас

Раису хоронили скромно, пышные похороны устраивать оказалось некому. Но процессия протянулась от одного конца деревни до другого, выползли даже девяностолетние старухи, так поразила всех в самое сердце эта безвременная кончина молодой красивой женщины. За околицей, где машина обычно останавливается, чтобы положить венки и кинуть вслед прощальную горсть песка, бабка Паня шептала безгодовой Ошмелихе:

– Говорят, Славке-то высшую меру дадут... Расстреляют, что ли? Так ему, паразиту, и надо, целую семью погубил...

Ошмелиха, у которой зять, внучкин муж, работает в полиции, и которая более остальных деревенских старух подкована в юридических тонкостях, машет:

– Не зуди, чего не знаешь... Не расстреливают теперича... Нет такого права...

– Отвертится что ли? Свят, свят...

– Не отвертится, прокурор пожизненный срок просить будет, так никто ведь и не знает, что лучше, на раз или маяться столько годов... Бедная Семеновна, убивается дни и ночи, видишь, даже на похороны не пришла, сын ведь, все равно жалко, хоть и убивец...

– Говорят, она в больницу уехала, мать-то Райкина жива еще, в реанимации, но, говорят, что не выживет, ка-

кие-то жизненно-важные органы задел, вот ведь как неловко, мог бы попугать, а он сразу с дури-то ее первую и захотел порешить...

– Так ведь сама виновата, не надо было вмешиваться в их жизнь, Райка терпела и терпела, а она приехала, так живо распорядилась, сказала Райке, что это не муж, а чудовище...

– А Ленька-то, Ленька-то, жить будет? Ты слыхала чего-нибудь?

– Да как не слышать-то, зять приехал с дежурства, так печатал дочке, что будет Ленька жить, но в инвалидной коляске и с головой не все в порядке, нерв какой-то перерезал, вот гад, парнишку-то жить бы и жить... А каково ему теперь без матери-то?

Давно уже уехала машина с покойницей, начал расходиться народ, а старухи, сцепившись языками, все не могли угомониться. Да и то правильно, когда еще доведется встретиться, годики-то немалые, живут по разным концам деревни, только вот по такому важному поводу и решаются выползать на улицу и совершать такие дальние путешествия. Просигналила полицейская машина и, высунувшийся из кабины паренек в форме, скомандовал:

– Бабка, на взлет! Приказано доставить тебя домой в целости и сохранности. Не возражаешь?

– Нет, милоч, не возражаю, давай, вылезай и грузи меня, сама не осилю...

Ошмелиха с трудом взгромоздилась на переднее сиденье,

помахала рукой:

– Прощевай, Панюха, уж больше, поди, не свидимся, повезут-то меня, так приходи проводить, гуляли ведь когда-то вместе, Колюху с тобой делили, да только не достался он ни-которой...

Захлопнулась дверка, и машина поехала, а бабка Паня, про себя незлобливо ругнув Ошметиху, заковыляла к своему дому.

Вечером в деревне долго не гасились огни, народ гудел, обсуждая события последних дней. Кто-то винил Раису, мол, извертелась вся, поссорила между собой неразлучных друзей, гульнула с Андриюшкой, ребеночка нажила, а замуж не вышла. Или он сам не взял, узнал, что беременная Раиска, и уехал вслед за родителями. Двенадцать лет в деревне не бывал, а тут, надо же, явился, бабку приехал проведать, его роль в этом деле самая главная, если бы не он ничего бы и не было. Видать, душонка-то болела, что сынок с чужим папой растет, хоть и знал, что Славка парнишку не обидит, слишком добр и доверчив, взял Райку беременную и не охнул. Видимо и она забыла ту боль, которую ей Андриюшка причинил, раз за Славку пошла. Жили неплохо первые годы, во всяком случае так деревне казалось. Дом Славка построил, один с лесом ломался, тесть помогал, но только самую малость. Пока приходил с работы уставший до изнеможения, как-то и не замечал, что Райка-то рядом с ним холодная, как лягушка, не сумел он отогреть ее своей любовью, и дому

новому не шибко радовалась, так, все кое-как, со временем стал догадываться, что она по Андрюшке тоскует, его сердечному другу, с которым десять лет за одной партой просидели. Испугался сначала, что оставит Райка его и умотает в город к Андрюшке, начал горе водкой заливать, сегодня стопка, завтра две, потихоньку начал спиваться, забросил все домашние дела, второй этаж, где мечтал устроить шикарную свадьбу для них с Райской, так и не отделал. А вскоре теща, у которой умер муж, Райкин отец, приехала к дочери на постоянное жительство. Славке что, живи, не жалко, места много, только жизнью их с Райкой руководить не пытайся. А она ж так своим вниманием обложила, что хоть не дыши, измучился Славка, слушая ее поучения. Особенно прискорбно было слышать, когда она в конце своей речи добавляла излюбленное: «Да какой же ты муж? Ты настоящее чудовище!» С этого «чудовища» все и началось, понял Славка, что нет у него семьи, тает его семейная жизнь, как свечка на блюдечке, догорела и погасла, когда Раиса однажды не открыла ему, пьяному, дверь, пришлось идти в бомжатник, пустой дом на берегу реки, в котором всегда ночевали пара, а то и тройка таких же бедолаг, как и он. Ему обрадовались, а еще больше обрадовались литровой бутылке водки, которую он принес с собой. Поскольку все уже были сытые, то и дососать бутылку не сумели, свалились и уснули, кто где сидел, только Славка забрался на печку, решив, что согреется и успокоит бившую его дрожь, такой ночлег для него был впервые, по-

тому что Раиса хоть и ругала его самыми плохими словами, но спать клала всегда на чистую постель. Проснулся он рано, за окном еще не прояснилось, мутная мгла заполняла все пространство неубранной, неухоженной избы, в которой уже прочно осел запах ее постоянных обитателей. Славка втянул ноздрями настоящий на поте и моче воздух, и, плюясь, начал собираться домой. Случайно взгляд его упал на стол, где стояла вчерашняя бутылка. Удивительное дело, но она была наполовину полная. «Да это спасенье», – подумал про себя, понимая, что без обжигающего горло глотка начать жить почти невозможно. Он взял бутылку, поболтал, опасаясь хлебнуть что-нибудь непотребное, и, почувствовал устойчивый запах алкоголя, начал жадно глотать прямо из горла. Услышав булькающий звук, проснулся Степка Монтер, протянул руку: «Оставь...» Славка отдал ему бутылку и в бессилии опустился на диван, идти домой расхотелось. Степка, оставив в сторону пустую бутылку, спросил:

– Как жить думаешь? За квартиру платить надо... Не худо бы к вечеру поразжиться..., – он щелкнул грязным, давно не стриженным ногтем, по своему горлу, – да и поесть бы чего-нибудь не мешало, хотя бы хлеба...

Он переложил с места на место большой охотничий нож, который лежал на столе, им и хлеб резали, им и банки с консервами открывали.

– Все будет, все будет... Сейчас пойду к жене, пусть выплачивает мне мою долю за дом...

– Тебе долю, а Андрюхе весь дом?

– А при чем тут Андрюха?

– Так при том, что приехал он вчера, бабы видели, как он на улице поймал твоего пацана и битый час чего-то втирал ему...

– Не тринди, голова болит... Я пошел... Или деньги, или похороны...

Славка поднялся и, прихватив нож, вышел на улицу. Деревня медленно просыпалась, в домах загорались редкие огоньки. Подойдя к дому, он с остервенением застучал в калитку. Дверь открыл сын, из-за его спины раздался голос Раи:

– Кто это? Алкоголик явился? Пропусти его...

Славка прошел на кухню:

– Все, Райка, развожусь я с тобой, живи с Андрюхой в любви и согласии, но только выплаты мне за дом третью часть стоимости... Сейчас же!

– Чего ты мелешь, ну, чего ты мелешь? Какой Андрюха? Где он?

– А ты у сына спроси... И не канитель меня, давай деньги...

Раиса на удивление быстро согласилась, сходила в комнату и принесла две тысячи.

– Вот! Больше пока нет, буду выплачивать тебе по частям, с каждой получки по две тысячи...

Славка хотел уже согласиться, взять деньги и двинуть

в магазин, потому что внутри все горело. И в этот момент на кухню выползла теща:

– Не давай ни копейки этому чудовищу, пусть зенки сначала протрет...

– Ах ты, жаба! Все из-за тебя! – взревел Славка и, выхватив из-за пояса нож, с размаху вонзил его в тещу. Она даже не успела закричать, кровь мгновенно стала заливать пол кухни. Рая выскочила на улицу и стала звонить в полицию, а сын, увидев, что бабушка подает признаки жизни, схватил полотенце и начал затыкать рану.

– Сынок, сынок, я не хотел, не хотел, я же люблю вас, сынок... Ленька...

Но Ленька дернул плечом, скидывая его руку:

– Не отец ты мне, не отец! У меня свой есть отец, дядя Андрей! А ты алкоголик, уходи!

И Славка, распрямившись, ударил ножом в спину сына, склонившегося над бабушкой. Вбежавшая в комнату Рая поняла, что вся ее семья погибла, она, теряя рассудок, налетела на Славку и начала неумело наносить ему удары. А когда дотянулась до лица и ударила по носу, он с силой оттолкнул ее. Рая упала навзничь на тело сына, удар ножа пришелся в самое сердце. Рая умерла мгновенно. Славка, перешагивая через трупы и пачкая в крови подошвы ботинок, вышел на улицу. В голове мелькнула шальная мысль: плеснуть бы сейчас бензином, и пусть бы оно все горело синим пламенем. Но сделать этого он не успел, подъехавшие полицейские

мгновенно скрутили его.

Так закончилась нежная любовь двух мальчишек и девочки, которая пятнадцать лет назад зарождалась на моих глазах.

Дедовы награды

Детский сад, который посещал Колька Красавин, готовился к праздничному утреннику. Воспитательница Раиса Аркадьевна сказала, что специально для Кольки сошьют военную форму, потому что главным гостем праздника станет Колькин дедушка Семен, который в годы войны был сыном полка.

Конечно, дедушка уже стар и болен, но садик участвовал в конкурсе, и присутствие ветерана должно было стать главной фишкой, которая непременно обеспечит победу.

– Я принесу настоящие награды, – сказала Колькина мама, – у него есть орден Боевого Красного знамени и какая-то медаль, по-моему, «За отвагу»...

– Может быть, все-таки будет лучше, если ветеран их наденет себе на грудь? – возразила Раиса Аркадьевна.

– Какая грудь? О чем вы? Он же еле жив, да и костюм его давно мыши погрызли, наденет мужневу кофту, на которой награды совсем смотреться не будут... Вы же, надеюсь, понимаете... А приколем Коленьке на форму... Представляете, какая красота будет? И прапрадед, глядя на мальчика, умилится...

– Ну, не знаю, не знаю, удобно ли это будет? – не сдавалась воспитательница.

– Удобно, удобно, неудобно только сами знаете чего... А у нас все будет удобно, только бы старик до этого празд-

ника не окочурился, слаб он стал шибко...

Раиса Аркадьевна, немолодая и вообщем-то мудрая женщина, смотрела на всю эту ситуацию глазами ветерана, и ей все больше становилось не по себе. Но возражать она больше не стала, понимая, что от Колькиной матери, Ирины, которая любого задавит своим напором, сейчас зависит все: приход ветерана, успех утренника, победа и, как следствие, ее аттестация на высшую категорию. Решила помалкивать, мол, будь, что будет...

А в семье Красавиных в этот вечер разгорелись настоящие страсти. Ирина, решила заранее достать награды и потерять их с «Пемолуксом», чтобы блестели, как золотые, а то позеленели от времени. Подождав, когда дед задремлет, она тихонько открыла его шкаф, старинный, с изъеденными жучком дверцами, который давно пора бы выбросить, да только, вот беда, дед и дотрагиваться до него никому не позволяет. Как назло, у шкафа предательски скрипнула дверца, и дед Семен устало открыл глаза:

– Кыш отсюда, чертово племя, чего вынюхиваешь? Пенсию я всю тебе отдал, оставь меня в покое, дай спокойно умереть...

– Награды твои хочу посмотреть...

– Умру, тогда и посмотришь, успеешь еще, продашь, не спеши, все твое будет...

Дед глухо закашлялся.

– Да не трясись ты, я не продавать, просто почистить хо-

чу...

Не имея сил спорить с напористой женой внука, в семье которого ему привелось доживать свой долгий век, дед Семен устало отвернулся к стене и из глаз его выкатились две скупые слезинки. Ирина достала коробочку, вышла на кухню и открыла ее... Наград в коробочке не было. Тяжелый жар объял все ее тело и, не умея владеть собой, она ворвалась в спальную деда Семена:

– Старый пень, ты куда награды девал? Нет тут ничего... Куда переложил, говори... А может ты их этой крысе из музея отдал, что-то она зачастила к тебе... Вот я завтра пойду туда, я в пух и прах разнесу ее, скажу, что украла, что обвела старика вокруг пальца, что я напишу заявление в полицию, живо признается...

– Не трогай доброго человека, оставь в покое, не отдавал я ей ничего, в шкафу гляди... В коробочке из-под чая...

– Нет тут ничего, не из-под чая, не из-под кофе... Давай, шевели извилинами, договаривайся со своим склерозом, а то... Ты меня знаешь...

Не договорив, что будет в случае чего, Ирина начала лихорадочно выбрасывать на пол вещи деда, полетели порывевшие от времени листы бумаги, фронтовые фотографии, дедова коллекция марок – наград среди всего этого добра не было... Она схватила телефон и начала звонить мужу, который работал в больнице санитаром и как раз дежурил в ночь:

– Морда опойная, – закричала она, – ты дедовы награды взял? Просадил уже или не успел еще? Я сейчас приеду, я разберусь с тобой, узнаешь, как вещи из дома таскать. Я тут сокровище твое пою, кормлю, обихаживаю, трясусь, чтобы он еще месяцок-другой протянул, дал нам с ипотекой рассчитаться, а ты последнюю копейку из дома тащишь. Да ты хоть знаешь, сколько эти побрякушки на рынке стоят? А я знаю, я со знающими людьми консультировалась...

Она строчила, будто из пулемета, не удосуживая мужа ответом, и только остановившись на миг, услышала:

– Уймись, дура... Я сейчас приеду...

И в трубке раздались короткие гудки.

Теряя самообладание, она решила позвонить брату мужа, Илье Сергеевичу, который работал в местной администрации и не нуждался ни в деде, ни в его ветеранской пенсии, а потому хоть и знал, как деду живется под опекой сварливой и жадной до денег Ирины, к себе в свой роскошный особняк на берегу реки, деда никогда не приглашал. Помнил, конечно, на чьи деньги пять лет учился в Москве, помнил и был благодарен, но не более. Приняв решение, Ирина, однако, долго не могла решиться озвучить свою проблему, фиг его знает, как он еще ко всему этому отнесется, приедет да заберет деда к себе вместе с пенсией, вот и плати потом ипотеку из каких хочешь. Да и на работу идти не хотелось, роль домохозяйки ей нравилась больше, привыкла уже. И все-таки подозрение насчет Ильи Сергеевича было очень сильным,

этот плут пусть и не ради денег, так ради коллекции хоть бы что возьмет, а дед ни за что не признается, если отдал ему. Придется все карты открыть. Сонный голос Ильи Сергеевича отозвался не сразу:

– Ирина, в чем дело? Дед?

– Дед, дед... Да только не то, что ты подумал, он еще нас с тобой переживет... Моду взял на старости лет вещи прятать и перепрятывать, а потом забудет, куда убрал, мы и ищем всем миром...

– Чего хоть он убрал-то? Пенсию, что ли?

– Да нет, пенсию он и в руки не берет, только расписывается, зачем она ему? Награды убрал куда-то... Или украли... Ты не в курсе?

– Ты что, курица, считаешь, что я украл дедовы награды? Ты в своем уме?

– Да ничего я не считаю, но они же пропали...

– В твоём доме пропали, там и ищи...

И он положил трубку.

До утра не спала Ирина, перебирая потенциальных похитителей, у каждого мог быть корыстный интерес и у каждого было свое алиби. Рано утром она позвонила воспитательнице:

– Не принесу я награды, украли их...

Раиса Аркадьевна охнула:

– Как же так? А дедушка, как же дедушка?

– Да вы не о дедушке печальтесь, а о Коленьке, он-то как

без наград выступать будет?

– Да все нормально будет, я ему картонные сделала, все-таки решила, что некрасиво ребенку ветеранские прицеплять, будто знала, что так будет?

Ирина замерла: «Знала... Знала? Откуда знала? А может и в самом деле знала? А вдруг у нее сообщники, они все и обляпали, пока я в саду языком чесала?» Эти мысли молнией пронеслись в ее голове, она решила, что этот вариант тоже надо обмозговать, а пока надо идти уговаривать деда.

Она подняла сына:

– Коленька, вставай, да иди напомни деду Сене, что он сегодня должен быть у тебя на утреннике, к двенадцати часам за ним машина подъедет...

Малыш соскочил босыми ногами на холодный пол и поскакал в дедову спальню. О чем там говорили старый и малый она не слышала, только через пять минут дед Семен командовал неожиданно бодрым голосом.

– Ирина, костюм мне приготовь...

– Какой костюм? Вон кофту приготовила...

– Я сказал: костюм!

Когда дед начинал разговаривать неожиданно командным голосом, Ирина понимала: все, перегнула палку, надо менять подходы...

Костюм пришлось отпарить и нарядить в него деда, а уж к машине он вышел сам. Встречали его всем детским садом, Ирине даже в какой-то миг стало завидно, что столько поче-

стей досталось одному старику.

Утренник прошел на «Ура!» Ребятишки от души порадовали деда. А в самом конце Коля выбежал в раздевалку и принес завернутые в носовой платок награды деда:

– Дед Сеня, я хочу, чтобы ты их приколот и носил всегда-всегда! Ты у нас герой!

Дед Семен обнял внука и спрятал лицо на его груди, он не хотел, чтобы внук видел его слезы.

Детектор лжи

Кто-то тещ своих недолюбливает, кто-то их стесняется, а кто-то и откровенно ненавидит. А вот, чтобы считать свою тещу детектором лжи, не слышала ни разу, пока мне случайный попутчик, назвавшийся Леонидом Васильевичем, свою историю не рассказал, улыбнувшись устало:

– Качнет она своим станом, обожжет черными, как ночь, глазами, и я понимаю: «Все, Ленька, сдаваться надо... Горюй, не горюй, а признаваться придется...»

Женился-то я уже на пятом десятке. Покружил по свету, покуролесил, попадал в расставленные женские сети и не раз, но все как-то умудрялся выскользнуть, как налим, и даже без особых потерь. Отплыву, бывало, подальше, и опять все сначала. Была во мне какая-то неумемная сила, так и собирался до старости шатуном прожить, очень уж мне нравилось быть ни от кого независимым. Парень я детдомовский, родни никакой, ответ держать ни перед кем не надо было. Мать бы была, другой разговор, старался бы, может, не огорчать ее или внуками порадовать, да мало ли еще что семейных людей на плаву держит, а я, как щепка, в бурном жизненном водовороте, кружил и кружил. Хорошо еще, ни на какие другие слабости не был падок, ни пил, ни курил, о наркотиках и говорить нечего, голова была на месте, техникум окончил, а потом и институт заочно, работу

хорошую получил. А работать я и любил, и умел, видимо, гены у меня все-такие жизнеспособные были, спасибо матери с отцом, о которых я ничего не знал, не ведал, знал только, что мать от меня прямо в роддоме отказалась. Я не сужу ее, нет, не сужу, разные в жизни истории случаются, если бы нашлась, простил бы, ни одной минуты не задумываясь. Да только теперь уж вряд ли кто найдется, а я, если честно, теперь и не ищу уже, у меня теперь другие заботы. Я – человек теперь семейный. Да-да, не смотрите так подозрительно.

Я ведь даже и предположить не мог, что поймает меня в семейные сети не какая-то прожженная, как и я, бабенка, не какая-то знойная красавица, а вот эта тонкая былиночка, от которой я на пару дней оторвался по причине командировки, и уже горюю. Не скучаю, а именно горюю, печалюсь: как там она без меня? Если бы мне еще года три назад сказали, что повянут и засохнут все мои, как бы помягче выразиться? Ну, вы понимаете... желания, я бы только рассмеялся в ответ. А сейчас все так и есть. А почему? Да потому, что появился в моей жизни человек, который в разлуке со мной ни дня прожить не может, человек этот плачет и ждет моего возвращения, молится за то, чтобы у меня в пути все хорошо было. Вам-то я об этом зря рассказываю, у вас мать есть, вы знаете, что это такое, а я не знал, это чувство для меня настолько новое, что оторопь берет. Я себе поклялся, что до последнего вздоха буду ее беречь и любить. А ведь она юная совсем, в дочки мне годится. Чем я ее взял,

сам не представляю, неужели этими словами, захватанными и пышными, которые сотни раз говорил очень многим? Стихи читал, хитроумными рифмами налитанные, видел, как ее душа тает, а я-то не к душе, я к телу ее юному подбирался. Нас там, у нее в квартире, целая компания была, веселились, кто как мог, а могли многие известно как... И вдруг открылась дверь, вошла дама, по возрасту чуть ли не ровесница моя, вошла и скомандовала:

– А ну, все на выход!

Я девчушкину руку отпустил и тоже поднялся, а дамаглянула своими черными глазами прямо в душу мою и говорит:

– А ты останешься тут! Похоже, навсегда останешься, паршивец ты этакий...

У меня от такой наглости аж в зобу дыхание сперло, но, что странно, остался и ни слова, ни пол слова поперек не сказал.

Так вот как-то неслышно и начала прорасти моя любовь, из ручейка в реку превратилась, семья теперь у нас. И теща моя, настоящий детектор лжи, с нами живет, это получилось настолько естественно, что я сам на себя не перестаю удивляться. Естественно, как дышать, как жить... Я же понимал, что она поможет нам, потому что трудно моей Былиночке со мной будет, чтобы не захирела она в частых разлуках со мной, ей поддержка нужна, вот и согласился. У меня же работа такая – частые командировки, а бросать ее пока не хочу, надо дом купить, у нас же ребенок намечается, да

и еще дети будут, я хочу много детей.

Прошлым летом я дачку прикупил на берегу водохранилища. Былиночке моей свежий воздух нужен. Приехали туда первый раз, я обвел взглядом владения и говорю:

– Вот, мама, тебе огород, Былиночке моей – цветник, а мне – море... Буду вас рыбой свежей кормить...

Теща ничего не сказала, только глянула на меня, мол, давай-давай, покажи, какой ты мужик...

А я и рад стараться. В этот же вечер пошел по деревне, нашел мужика с лодкой, заплатил ему две тысячи, мол, будешь у меня лоцманом, ты же все окрестные заводи знаешь. С нами и внук его запросился, тоже Ленька, сказал, что мешок с рыбой таскать будет. У меня сердце так и затрепетало, подумал, как женщин своих уловом порадую.

На ранней зорьке выехали, прохладно еще было, туманно. Прибыли на предполагаемое место, начали удочки закидывать, да только, видно, рыба еще не проснулась. Два часа убили бесполезно. Я нервничаю, а лоцман мой только в усы улыбается. Выглянуло из тумана солнце, лодку нашу отнесло почти к самому берегу, и тут начали клевать окуни. Но это была не та рыба, о которой я мечтал и которой хотел сразить наповал моих женщин. Лоцман, заметив мое кислое выражение, предложил:

– Ну, давай, поплывем еще в сторону Тышных, там в прибрежной траве, щуки, бывает, клюют...

Я оживился, щуки – это же совсем другое дело...

И правда, часа за три мы поймали пять щучек. Я решил, что сак с уловом надо опустить в воду, чтобы рыба не умерла раньше времени, чтобы ее моим дамам доставить в свежайшем виде.

– Не надо этого делать, – возразил Ленька, – еще сорвется, вон как играет...

Но лоцман глянул на него строго, и мальчишка замолчал. А я примотал сак за уключину, и мы выбрались на берег, чтобы разжечь небольшой костерок и обогреться.

Только у меня внутри уже все зудело: «Скорей, скорей домой, скорей сразить своим уловом...» Лоцман возражать не стал, затушили костерок и поплыли. И вот тут случилось как раз самое неприятное. Когда лодка начала сдавать назад, сак мой зацепился, за траву и слетел с уключины. Весь улов моментально ушел под воду. Мы пробовали зацеплять то одним, то другим, блесну бросали, но все бесполезно, глубина в этом месте была более чем приличная. Домой плыли молча. Ленька, не сумевший пережить мой горестный вид, предложил:

– А вон там, недалеко, рыбзавод, давайте, мужики, сделаем маневр, заедем да и купим, рыбаки вечером улов сдали, рыба еще почти свежая...

И я понял, что это мой единственный выход из этой щекотливой ситуации. Заехали и правда, я купил пять щучек, небольших, чтобы не вызвать лишнего подозрения. Сколько дома было радости от моего улова, это и передать невозмож-

но. Я сам и вычистить вызвался, несмотря на усталость. Мы и уху сварили, и пожарили, Былиночка моя торжествовала, это был вечер нежности и любви.

А поутру, пока моя Былиночка еще спала, теща позвала меня в сад. Позвала и сказала:

– Давай, колись...

– О чем вы, мама?

– Знаешь, о чем... Я понимаю, любое мастерство приходит не вдруг, и ты успешно рыбачить обязательно научишься, но так-то откровенно врать зачем? Не стоило...

– Ну, вы, мама, настоящий детектор лжи... Только Былиночке ничего не говорите, зачем у нее радость отнимать?

– Ладно, не скажу... Ну, уж и ты там, в своих командировках, поаккуратнее, меня ведь не проведешь... Я нюхом любую ложь чую, жизнью своей долгой научена.

Вот так и живу теперь, боюсь сильно хвост-то свой, павлиний, распускать, хоть и всплывают иногда старые желания. Но смиряю себя, смиряю и не горюю, нет, не горюю, меня все в этой жизни устраивает.

Жизнь в тысячу рублей

Горькая память о Сашке то и дело звучит в моем сердце набатным колоколом. А сегодня – особенно. Он пришел в мой сон, веселый, улыбочивый красавец с русыми кудрями, ростом под два метра. «А может и не было вовсе этой страшной смерти? – заволновалось мое сердце. – Вот приеду я в родные края, и выбежит он ко мне навстречу, подхватит, закружит, как тогда, когда был еще сорванцом с двумя вечно торчащими вихрами?»

Но я понимаю, что это всего лишь мечты, пустое наваждение, что этого не будет уже никогда.

Зачем он уехал так далеко от дома, где жили родители, сестра и еще три брата? Как оказался в этот поздний час в чужой квартире? Где жил бы сейчас, не сойдись он тогда с убийцей на узенькой дорожке своей судьбы? Почему именно с этими людьми он решил выпить последнюю в своей жизни каплю? Ответов на эти вопросы слишком мало, но все-таки они есть.

После армии он, как это ни странно, никуда не уехал, остался дома, благо, родители были еще живы и всю мечтали о том, как он женится, как приведет в их дом молодую жену, как загомонят в этом доме многочисленные внуки. А ведь в том, что детей у Сашки будет много, никто не сомневался, он так их любил. В бригаде лесозаготовителей, где

он работал на трелевочнике, его считали ломовой лошадью, у него и прозвище было Лось. Смеясь, говорил матери: «Сначала на машину заработаю, а потом уж и на свадьбу...» Но, к сожалению, не только на свадьбу, но и на машину Сашка заработать так и не успел. Лесные запасы в их области сильно истощились, потому что лес начали вырубать сразу после войны, когда в бараках неподалеку от их деревни жили высланные сюда немцы и бригады вербованных чувашей. Лесопункт постепенно начал приходить в упадок, а потом и совсем закрылся. Сашка, как и многие ребята его возраста, остались без работы. Некоторые сели на шею своих стареющих родителей и ударились в пьянку, кто-то уехал искать счастья по городам, а Саша списался со своим армейским другом и стал ездить на сезонные работы в Коми. Работу с лесом он знал и работать умел, от нерастраченной силушки чесались руки. Возвращался со своей вахты, отдавал матери заработанную тысячу, которая по тем временам была сумасшедшими деньгами, а на оставшиеся поил своих многочисленных друзей в поселке, которые от приезда к приезду все ниже и ниже опускались, почти достигая самого дна. Откуролесив положенный на отдых срок, Саша уезжал снова, и всякий раз болью сжималось его сердце, он чувствовал, что мать уже серьезно больна и, прощаясь, они не знали, увидятся ли еще раз. Эта хворь да постоянная печаль о сыновьях и свела мать в могилу, Саше даже телеграммы не послали, потому что он и так уже был на пути к дому. Но ни в день

похорон матери, ни на другой он так дома и не появился. А на третий день в поселок пришла телеграмма с сообщением, что тело Саши обнаружено в Москве.

Его отец, дядя Ваня, еще не оправившись после похорон жены, поехал забирать тело сына.

Сашу обнаружили в чужой квартире со множественными колото-резаными ранами, денег при нем, естественно, не оказалось. Тот мужчина, в чьей квартире обнаружили тело Саши, был арестован, но позднее его отпустили, потому что на рукоятке ножа оказались не его отпечатки, в квартире был кто-то третий, но хозяин сказал, что он спал и никого не видел. Еще там, в Москве, дядя Ваня захотел посмотреть квартиру, где убили Сашу. На площадке он встретил женщину, которая неожиданно пригласила его на чай. В душевной беседе она рассказала, что видела, как прошли в квартиру двое, а спустя какое-то время прошел третий, в черном костюме, в черной кепке на самые глаза и с прядью рыжих волос, она как раз выходила собаку перед сном прогулять, так этот незнакомец, встретившись, больно толкнул ее, не позволяя заглянуть в лицо. Соседка не спала всю ночь, будто чувствуя, что рядом происходит что-то нехорошее. А потом скрипнула дверь, и она увидела через глазок, что этот, в черном, легко перепрыгивая через ступеньки, побежал по лестнице вниз. В полиции она все рассказала, но сильно помочь не смогла, потому что не видела лица пришельца.

Дядя Ваня уехал домой хоронить сына, похоронил, а сам

все ждал, когда же найдут убийцу. Только уголовное дело двигалось ни шатко, ни валко, ему приходили по почте какие-то бумажки, которые он подписывал и отправлял обратно, а сам в Москву ездить не мог, у него почти отказали ноги, на фоне переживаний открылись фронтовые раны. Так прошло полгода, и дядя Ваня почти смирился с тем, что убийцу сына так и не найдут, а уголовное дело, скорее всего, просто закроют. Что вскоре и произошло.

А однажды он получил заказное письмо от той самой соседки, которая обогрела его и напоила чаем в те скорбные дни пребывания в Москве. Она написала, что ее сосед продал квартиру, она видела, как грузили на машину вещи, и рядом с ним суетилась раскрашенная девица, чем-то неуловимо похожая на того мужичка, который позже других входил в квартиру. А главное – у нее из-под кепки выбивалась точно такая же рыжая прядь.

Дядя Ваня спешно засобирился в Москву, дочка отговаривала его, но он взял в руки тросточку и поехал. Сначала попросился у теперь уже знакомой соседки пожить месячишко, она пустила, потому как все равно жила одна. А потом он встретился со следователем и рассказал о своих подозрениях. Дело открыли снова, и вскоре убийца была задержана, ею оказалась молодая женщина с рыжими волосами, отпечатки пальцев на ноже подтвердили, что это сделала она. Преступление в ее арсенале оказалось не первым, таким путем она зарабатывала себе на жизнь. Вся картина преступления

вскрылась на суде, к делу было привлечено еще несколько человек.

Сашу, и не только его, сопровождали от самого начала пути. За две станции до Москвы к нему в купе подсел вот этот самый сосед, они быстро познакомились и даже подружались, Саша был по природе очень доверчивым и добрым человеком. Мужчина предложил:

– Что ты будешь на вокзале полсутки дрягаться, поедem ко мне, у меня двухкомнатная квартира, отдохнешь, по Москве погуляешь, родным подарков накупишь. Деньги-то у тебя есть?

– Как грязи, – улыбнулся Саша, похлопывая себя по груди, там, в потайном кармашке, пришитом матерью к обратной стороне майки, лежала заветная тысяча.

– Вот и хорошо, гульнем...

– А девочки будут?

– Будут, обязательно, а что без них делать двум молодым мужикам?

И они вышли на перрон уже почти друзьями. Когда поели и хорошо выпили, появилась она, рыжеволосая красавица, от одного вида которой у Саши начисто снесло голову. Они уединились в спальной, выпили всего-то по глотку шампанского, которое рыжеволосая принесла с собой, поели арбуз, который возвышался на столе, и Саша почти сразу отключился, в шампанское девица подсыпала снотворное. Как только Саша уснул, женщина начала его обшаривать и искать

деньги. Но Сашку потому дома и звали Лосем, здоров был чертяка, не очень-то и взяло его снотворное, неожиданно он очнулся и схватил женщину за левую руку. И в этот миг правой она, выхватив из арбуза нож, всадила его Саше в грудь. Он умер не сразу, еще шевелился, пытаясь подняться, и тогда она в ярости стала наносить ему удары, била, пока он не затих. А потом вытащила деньги и сбежала. Долго не появлялась в поле зрения своего подельника, боялась, что он сдаст ее. На суде дядя Ваня задал ей только один вопрос:

– И какая же волчица тебя родила?

– Сама хотела бы знать, – ответила рыжеволосая, – детдомовская я, кручусь, как умею...

Ей присудили шестнадцать лет, а подельнику ее – девять, старые делишки тоже всплыли.

Дядя Ваня вернулся домой совершенно опустошенный, он шел по улицам своего поселка, кивал встречным, отмахивался от тех, кто пытался остановить и выразить соболезнование. В его мозгу билась одна-единственная мысль: «Уж лучше бы Сашка остался дома, сидел бы, как многие, на моей шее, но был бы жив... Это я виноват, я учил его жить правильно...»

Заброшенный колодец

Деревни, которые в большом количестве заброшены людьми, очень часто обживают те, кто имеет проблемы с законом и которым с законопослушными гражданами встречаться не резон. Поэтому-то и пришло к нам понимание того, что привычные походы в лес порой становятся очень опасны, по одному совсем не ходим. Но охотники...

Эту историю рассказал мне местный охотник Борис Горелов, хотя я и раньше сообщение об этом читала в милицейской сводке, но узнать более подробно что и как произошло в реальности, мне очень хотелось.

– Дело, понимаешь ли, было ранней весной, – начал Борис свое телефонное повествование, – снег уже сошел, а земля еще не оттаяла, я даже валенки скинуть не успел. И вот вздумалось мне не ради добычи, а ради прихоти походить с ружьишком по лесу, правда, правда, не столько, чтобы подстрелить кого-то, а просто захотелось подышать свежим и ядреным воздухом, да и собаке, понимал, надо все-таки поразмяться. Путь мне был хорошо известен, я ведь живу лесом, то грибы, то ягоды в нем черпаю. Помню хорошо, как шел без особых дум, просто окидывал взглядом окрестности, с ностальгией отмечал бывшие деревни: Маклаково, Чурсаково, Патранино, когда-то в них жили большие и дружные семьи, даже школа начальная в Патранине была, а вот как начала их

война половинить, так они больше и не оправились, вот уж и последние старики переселились в мир иной, а дома-терема продолжают стоять, пятистенки, из таких бревен, по которым и сейчас стукни, загудят, они еще век простоят, из какого леса-то все строилось... И вот иду я по улице, совершенно безлюдной, жуть берет, дома-призраки настроения не прибавляют, пробираюсь с трудом, густые заросли осоки, которая мощно разрослась на жирной, веками удобряемой трудом крестьянина почве, не позволяли шагнуть пошире, к тому же снегом ее прижало, спрессовало в плотную подушку.

И вдруг мороз прошел меня насквозь, мать честная, я ощутил, что под ногами нет опоры, я провалился, но как-то успел ружье скинуть, повис, вцепившись в ружье. А собака далеко убежала, ее голос едва долетал из дальнего леса. Да и чем собака мне поможет в такой ситуации, помочь мог только человек. Кричать? Да кто тут услышит? Это мне, идеалисту, так казалось. А на самом деле все было по-другому, оказывается, был человек, только чужой и его чужие глаза давно уже следили за мной. Руки у меня замерзли и начали слабеть, все, думаю, не выберусь. И в это время я заметил у края колодца стоптанные на одну сторону кирзовые сапоги. Человек присел, и я увидел сморщенное лицо неопределенного возраста в серой шапке-ушанке, руки с наколками, беззубый рот. Каким-то краем сознания я оценил ситуацию, понял, что за человек живет в безлюдной деревне, но понадеялся все же, что есть в нем чего-нибудь людское, не зверь же,

не оставит меня в такой беде. А человек, ни слова мне не говоря, ухватился за ружье, желая его вытащить из моих рук, мол, ружье отдай, а сам лети в тар-тарары, не жалко. И так это меня разозлило, я ведь тоже не лыком шит, военное прошлое за спиной, откуда-то и силы у меня взялись, вцепился я в ружье до посинения пальцев.

– Нет, товарищ, так не пойдет, – прохрипел я, – спасешь меня, подарю тебе ружье и еще много чем одарю. А нет... Давай, помогай...

Изловчился я и попытался одной рукой ухватить его за сапог, решил, что, если и полетим, то вместе. А он, гад, поднялся и в это самое время другой ногой топнул по моей руке, которой я все еще цеплялся за ружье, с такой силой топнул, что треснуло и переломилось ружье. И тут же я вместе с остатками ружья полетел вниз, мне кажется, что от боли я даже сознание потерял. Когда очнулся, с удивлением отметил, что сухо подо мной, значит, до воды не долетел, уже хорошо, верховая вода, видимо, еще не успела наполнить колодец. Поглядел вверх, рожи этой не видно, он, зная, решил, что мне полный конец, бросил человека на полную гибель и ушел. А я отдышался, попробовал одной рукой обследовать окрестность и понять, почему же не долетел до дна, а в том, что на дне колодца должна быть вода, я ни капельки не сомневался. Ага, понятно, за что-то зацепился рюкзаком. Оказалось, как я потом это выяснил, зацепился за рогатину, которая, Бог весть, как оказалась в этом заброшенном ко-

лодце, видно, кто-то глубину измерял. Справившись с испугом, не скрою, чего уж тут скрывать, струхнул я не на шутку, дрожь била все тело, и вот, немного успокоившись, посмотрел вверх, еще раз убедился, что вражина этот убрался восвояси. Очевидно, он, толкнувший меня в бездну, уверился в том, что этот колодец так и станет моей могилой. Но я не из той породы, чтобы сдаться без борьбы, дождался темноты, чувствовал, что сильно задрог, но все-таки начал потихоньку выбираться. Головой и ногами я уперся в стенки колодца и потихоньку, сантиметр за сантиметром стал подниматься вверх. Наверное, это все-таки чудо, но мне удалось выбраться на поверхность. Я долго лежал в зарослях осоки, боясь пошевелиться и опять привлечь внимание недоброго человека. Сердце мое гулко стучало в груди, я всерьез опасался, что оно может подвести, но мое измученное больное сердечко не подвело, знать понимало, как мне хочется жить.

Я долго полз, раздвигая руками густые травяные заросли и только в поле поднялся на ноги. Добрался домой и сразу слег, болел две недели, еле отошел от пережитого шока. Спросишь, почему в полицию сразу не позвонил? Правильно, я знал, что это пустое дело, заметит он облаву и тут же скроется в лесу, ищи, свищи, теперь заброшенных домов в каждой деревне полно, кому еще принесет он беду, один Бог знает. А едва набравшись сил, я начал опять собираться на то проклятое место. Приготовил старенькое отцовское ружьишко, припасов дня на три, не знал, сколько времени

выслеживать его придется, понимал, что он на все пойдет, знать, терять ему нечего, раз в такой обстановке живет и людей, как огня боится.

И вот перед тем, как выбраться мне в ночь, пошел в магазин, чтобы сигарет побольше прикупить. Затоварился и присел с мужиками на бревнышко, наклонился к самой земле, курю, их пустые разговоры слушаю. И вдруг, вижу, как по тропинке мимо меня идут те самые стоптанные сапоги, я бы их из тысячи узнал. Накинул я капюшон, поотвернулся, чтобы он мое лицо не увидел, когда обратно из магазина пойдет. Он быстро вышел, видимо только курева и купил, потому как в руках не видно было ни пакета, ни сумочки. Он прошел, а я поднял голову, гляжу, без шапки он уже, волосы седые, всклокочены, видно, что давно не стрижены. Вижу, он зашел в остановку, автобус ждет, значит, решил свою нору покинуть и в город податься. Я лихорадочно соображал, что делать дальше, самому его задерживать или помощи просить. Решил, что один все-таки не справлюсь, а мужики пока сообразят, что к чему, он слиняет, где его найдешь потом. Побежал я на телефон и прямо начальнику полиции позвонил, объяснил, что у них всего двадцать минут, столько времени автобус идет от нас до города. Он спросил, есть ли у преступника оружие, я ответил, что, скорее всего, нет, а то он меня застрелил бы и все, забрал бы ружье, а меня обратно в колодец сбросил, в вечную мою могилу.

Правды ради надо сказать, что полицейские сработали

оперативно, остановили автобус на лесной дороге, не позволили ему до города доехать километра три. Я опасался, что он кого-нибудь в заложники возьмет, ездят на этом автобусе девчухи из соседнего района, но на этот раз, слава Богу, никого не было, один он ехал, как перст. Да и шофер вовремя все понял, выскочил, как только полицейскую машину увидел, видно, еще на остановке сообразил, что за пассажира везет.

А меня начальник Благодарственным письмом наградил, висит оно теперь у меня в рамке на самом видном месте. Оказывается я матерого рецидивиста задержать помог. Это хорошо, только вот на охоте я жирный крест поставил, не хочу больше и не искушаю судьбу, да и другим не советую, мало ли что...

Заведение, приятное во всех отношениях

Сидели мы недавно в чисто женской компании, слегка подтравливали анекдоты и вдруг одна из нас сказала: «А знаете, самые веселые анекдоты, как это не парадоксально звучит, рождаются в больнице...» Я почему-то сразу с ней согласилась, потому что у меня с больницей связан один, более чем веселый, Новый год.

– Рассказать? – спросила я женщин.

– Естественно! Смешно?

– Не знаю, думаю, что да... Ну, слушайте...

Началось все в канун новогоднего праздника, тридцатого декабря. Я была глубоко беременная, а если точнее, до родов оставалось ровно неделя. Но мы же были молодые, безголовые, это бы сейчас... А тогда мы с мужем решили, что все успеем и ничего не придумали лучшего, как поехать в глухую лесную деревеньку, чтобы поздравить с праздником его мать. Дорога в деревне, да еще зимой – это чисто условное название, сугробы выше человеческого роста, поэтому мы и поехали не на машине, которой тогда у нас, кстати, еще и не было, а... Не падайте только в обморок... Мы поехали на гусеничном тракторе, не боясь вытрясти ребенка. Муж за рычагами, я – рядом, потряхивает на каждой кочке,

но нас этим испугать невозможно, тем более, что за плечами двадцать шесть, а беременность уже третья, дело привычное, чего бояться? Приехали, муж выгрузил нас вместе с будущей дочкой, обмели ноги, вошли в избушку, утонувшую в снегах чуть ли не по самую крышу. Собрали на стол нехитрую снедь, свекровь поставила бутылку портвейна. Пока искали, чем открыть, я почувствовала, что репутация моя почему-то подмокла. Растерялась, запереживала, шепнула свекрови. А она так руками и всплеснула:

– Милая, да у тебя воды отошли... Сейчас рожать будешь...

А телефонов тогда не только сотовых, но в этой деревне и простого, не было, потому она и скомандовала сыну:

– Давай, дуй за медичкой...

Она, видимо, решила, что и в самом деле будем дома рожать. Не знаю, ехал он или летел на своем стальном коне, только часа через два около избушки просигналил председательский козлик, из всех машин только он один и мог чудом проскочить по этой дороге. Поехали в районную больницу, пятнадцать километров такого же снежного безумия. Дитя мое в животе успокоилось, ни схваток, ни шевеления. Только мне казалось, что едем слишком медленно, вот выпустили бы меня, и я сама бы добежала гораздо быстрее. Об этом я и просила шофера, но он только сильнее жал на газ.

По коридору больницы я шла с ощущением, что голова ребенка уже появилась на свет. Не успели меня положить на ка-

талку, как дитя закричало. Муж еще и выйти не успел, а ему уж сообщили: «У вас дочка!»

А тридцать первое в больнице день суетный, до рожениц ли? Мы лежим в палате пятеро, команда, скажу я вам, разношерстная и интернациональная. У стеночки Фарида, толи таджичка, толи узбечка, их тогда у нас еще мало было, она очень стесняется, плохо говорит по-русски и все время закрывает лицо своим черным платком. Рядом с ней цыганочка Роза, худобенная, малюсенькая, как подросток, с животом ее представить никак невозможно, а она уже два дня как родила, но, похоже, роды были тяжелые, потому что она то лежит, то стоит, но на кровать, даже на краешек не приседает.

У окна лежит городская, зовут Марусей, но она ни с кем не разговаривает, а только все время плачет, она, как и я, родила ночью, и ее навещать еще никто не приходил. И самая отчаянная среди нас – юная красотка Танька, у которой месяц назад была свадьба, но она уже успела осчастливить своего Колюню двойней. Она родила раньше нас всех и поэтому уже носилась по больнице, как угорелая, время от времени выглядывая в окно, чтобы не проглядеть, когда ее Колюня соизволит навестить свою ненаглядную.

Часов в десять она выглянула в очередной раз и доложила: – Мужик под окошком... Бабы, к кому? Пьяный в дребезец!

Маруся замотала головой:

– Не мой! Мой не пьет, даже в рот не берет...

– Чей тогда? Низенький, худенький, с усиками...

Маруся опять подняла голову:

– Похож, но не мой, мой не пьет...

– А чей тогда?

И тут раздался зычный голос:

– Маруся! Как ты могла, Маруся?

Маруся заревела в голос:

– Таня, посмотри, чего он делает?

– Так ничего не делает, авоську с апельсинами поставил в снег и пошел домой... Он, чего у тебя, дурак?

– Это я дура, я же ему сына обещала... Бывало, начнем с подругой распашонки смотреть, а он подойдет и скамандует: «А ну уберите эти кружавчики, у парня все должно быть строго...» Я его мечты лишила... Уж, если напился, значит, сильно на меня обиделся...

– А ребенок-то у вас какой?

– Первый...

– Во, смешная, так ты ему второго парня роди, а раззадо-ришься, так и третьего... Кто же вам помешает, строгайте да строгайте, а то и двойню пусть зарядит, вон, как Колюня мой... Тут и обижаться не на кого...

А в это время к Тане приходит Колюня, он пьян до того, что еле стоит на ногах, а вернее, то и дело садится в сугроб, но, поднявшись, опять орет благим матом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.